

Какая встреча!

Крылов Сергей

Курант - 1994 - Май - с. 5.

21.05.94

“АНГЕЛ” ВОСТОЧНОГО ПОЛУШАРИЯ

Из разговора 1988 года: “Это, что, теперь мода такая?” — “Какая?” — “Да вчера была на концерте, а там стокилограммовый мужик по фамилии Крылов прыгал, как идиот, по сцене в шортиках”.

Сейчас такую тираду можно услышать из уст разве что желчного и недалекого человека. Наша публика достаточно быстро усвоила: для эстрадного артиста создание оригинального, а еще лучше эпатазирующего, имиджа — половина успеха. Мог ли не использовать данный фактор переполненный идеями и любовью к свободе Сергей Крылов? Чем бы он в противном случае сейчас занимался? Кто бы о нем знал? А тут, пожалуйста, все знают. Вы, кстати (по Крылову), тоже так можете. Рецепт простейший — имея хорошую идею, ступайте к хорошим людям и разговаривайте. А к плохим не ходите. Сергей поступает именно так, и его проекты претендуют сегодня уже на мировые масштабы. Например, “Ангел (421)”, очередная версия презентации которого состоялась на этой неделе в ГЦКЗ “Россия”. К шоу, о коем “Поп-базар” неоднократно информировал и еще будет информировать своих читателей, примыкают все новые имена. Вслед за Андреем Сапуновым, “А-Студио”, Максимом Фадеевым, Ларисой Долиной явился Женя Осин, а вскоре, похоже, появится Линда.

Крылов, видимо, притягивает, умеет собирать команду. Его, вообще, пардон за странную параллель, можно назвать Явлинским поп-тусовки. То там, то здесь он желает что-то изменить. Называет себя реалистом и начинает с уверенностью ребенка и в то же время достаточно логично объяснять, как он решит ту или иную, невероятную вроде бы задачу. Впрочем, от того, что не получается просто или не встречает молниеносного понимания, Сергей готов отказаться, чтобы не терять времени, а тут же начать нечто новое. Он даже заканчивает почти каждую фразу тем же явлинским вопросомительно-утвердительно-размышляющим “да”.

Слушать Крылова, периодически “подзаряжая” его каким-нибудь вопросом, весьма любопытно. Данное “прослушивание” “Ангела (421)” я начал сразу после того, как последний технический работник “России”, получив причитающийся ему гонорар, покинул крыловскую гримерку.

— Есть удовлетворенность от сегодняшнего действия?

— Да. Прежде всего от того, что я почувствовал. Неважно, какая была музыка и все ли там состыковывалось, необходимо было ощутить атмосферу того, что перенесется вскоре на площадки крупных стадионов. Я почувствовал свободу, которая должна быть в нашем шоу, понял, как нам работать с песнями. И теперь как бы знаю, что нужно делать в Америке, куда мы вскоре поедем записываться. Песни, звучавшие сегодня в зале, можно отнести к жанру городского романса. Но городского романса, к сожалению, не существует как достояния мировой культуры. Мы постараемся сделать его таковым. То есть попросту вынесем наши произведения на суд мирового зрителя. Покажем городской романс не на хорошо известном, вульгарном уровне, а иначе.

— Апплауд на концерте не наблюдалось. Тебя не настораживает сие в преддверии гастрольей по десяткам стадионов?

— Нет. В этот раз почти полностью отсутствовала реклама. В “Россию” пришли только неравнодушно относящиеся к нам люди, находившиеся волею случая в момент шоу недалеко от концертного зала.

— Вообще, к вопросу о посещаемости я отношусь философски. Мне нравится любое количество зрителей, ибо, если они в принципе есть, значит, ты кому-то нужен. А сегодня зал заполнился на три четверти и был очень дружелюбно настроен. Приколливо! По сути, мы репетировали. При аншлаге это было бы труднее. Сейчас, если с проектом будет все удачно, мне хочется отработать в “России” весь январь.

— Ну да?

— Угу. Хочу как бы побить рекорд по длительности показа одной программы в одном зале. Концерты будут идти 31 день.

— Думаешь, народ пойдет?

— Не знаю. Но во мне присутствует какая-то большая уверенность. Все происходит по образу и подобию цепной реакции. Сегодняшние зрители расскажут, что они тут увидели, своим знакомым. Они придут, а после поделятся впечатлениями со своими знакомыми... Начнется пропорциональное увеличение аудитории.

— Ты не раз называл свои произведения “мои опусы”. А более конкретно определить жанр, в котором работаешь, можешь?

— В моем шоу сейчас участвует талантливый парень — цыган Буша. Однажды в интервью он сказал: все, что пою, — моя жизнь. Похожая ситуация и у меня. Помнишь альбом Пугачевой “Зеркало души”? Вот. А здесь, если говорить с пафосом, — отражение жизни, да...

— В 87-м году ты вырвался на большую эстраду. Все твои последние выступления — это скорее... гротеск, желание предстать шутком поп-тусовки, каким-то об-

разом изменить ее атмосферу. Или совсем другое?

— Мне хочется довести свою свободу до абсолюта. Чтобы я не стеснялся зрителей так же, как не стеснялся себя. Такое желание, да... Почему, для чего? В этом случае можно откровенно говорить. Можно вслух размышлять о важных вещах. Уже на сегодняшнем концерте я старался произносить информацию, которую, кажется, должны воспринять серьезные люди. Люди, способные задуматься.

— О чем?

— О том, что строй жизни у большинства человечества как бы не совсем верный. Он считается верным, и потому никто не хочет ничего менять, но...

У людей существует некий предел фантазии, и мне просто хочется его несколько раздвинуть. То есть дать понять, что за этим пределом находится еще что-то. Человек может глядеть на одетую женщину и представлять ее обнаженной, представлять ее голую. Но мне хотелось бы, чтобы он, например, мог представить и ее сердце.

— Ты считаешь, что зрители, которые придут смотреть “Ангела” где-нибудь на футбольном стадионе Кемерово или Тольятти, станут искать в шоу пищу для размышлений, а не просто отдыхать?

— Пусть они просто посетят этот концерт и, возможно, про-

никнутся гордостью оттого, что, проживая на данной территории, оказались к нему причастны. Понимаешь, мне не нравится отсутствие равновесия в нашей жизни. Слишком много событий в музыкальной культуре происходит в Западном полушарии и слишком мало в Восточном. Это нужно исправить. Беда нашей аудитории в том, что она сама уже не верит в то, что отсюда может выйти замечательный эстрадный исполнитель. Организуя данное шоу, я ведь даже не себя имею в виду, не личной славы ищу. Я имею в виду ту же Юлию Мачалову, Бушу, Максима Фадеева. Я надеюсь стать свидетелем и болельщиком их восхождения.

— Когда вы стали основательно раскручивать свой грандиозный проект, многие начали гадать: откуда у Крылова столько денег?

— У нас денег нет, их предоставляют нам хорошие люди. Более того — есть долги, но их с нас никто не требует, ибо те, кто предоставил нам свои средства, понимают, что вместе с нами делают нужное дело. Они же олаживают нам не ради процентов или иной личной выгоды, а потому, что им близки по духу наши идеи и задачи.

— То есть ты приходишь к бизнесмену, говоришь: я — Сергей Крылов, задумал такое вот этакое

— и он тебе сразу миллион?

— Да ничего я не прошу — просто разговариваю. Мой плюс в том, что я имею какой-то специфический имидж. Его плюс в том, что он имеет деньги и ему не жалко отдавать их, точно так же, как мне не жалко отдавать свое искусство. Когда мы беседуем, между нами происходит энергообмен, и в какой-то момент он что-нибудь предлагает. Так получилось у нас, скажем, с Михаилом Лифшицем, представляющим фирму “Глобал Эйдж”. На свои деньги он снял для нас офис в “Президент-отеле”. И таких хороших людей немало. На них мы и опираемся. Они понимают, что такая идея реальна. Я же не взял сольные концерты и не пустился в мировое турне — вот это было бы идиотизмом.

— Почему все-таки деньги дают именно тебе? Наверное, другие артисты тоже не отказались бы получить средства для какого-нибудь грандиозного проекта?

— Видимо, у них нет идей. Все, у кого есть идеи, деньги находят.

— Ты считаешь, “Ангел” — удачно найденная форма для раскрутки молодых талантов?

— Да!

— Признаться, ты действительно надеешься, что все декларируемые тобой замыслы осуществятся? Скажем, приезд и участие в шоу “Ace of Base”?

— Это зависит от того, насколько они бедны или богаты духовно. Я предлагаю им интересную работу, интересные спектакли — их право решать. И потом, они не единственные. Откликнулись на предложения Томас Андерс, Саманта Фокс. Есть еще масса исполнителей, уже как бы отыгравших свое, но вполне подходящих для программы: “Каома”, “Бони М” и т. д.

— И все-таки на какой стадии находится визит “Ace of Base”? На стадии замысла?

— Нет, почему? Владимир Матецкий совершает разведку боем, “бомбит” Стокгольм между поездками из Москвы в Монте-Карло. Короче, он занимается данным вопросом, и это его, а не моя проблема.

— Представь, последний концерт в Москве закончился, “Ангел” стал историей, какой результат ты желаешь увидеть?

— Если люди, отработавшие со мной все 33 концерта, поблагодарят меня за наш совместный труд, я буду удовлетворен. Ведь их хорошее самочувствие во время выступлений автоматически передается зрителям, а нас должны увидеть почти два миллиона. Это огромная аудитория.

Что касается людей, которые пойдут на “Ангела”, то мне хочется, чтобы они точно знали, чего ожидают. Пусть подтверждения того, что я смешной, или того, что я умею говорить, или того, что я дебил, — неважно. Важно чего-то хотеть, тогда у человека появляется некий стержень, с ним удобнее работать. И я постараюсь ответить на все вопросы.

— Сергей, как ты думаешь, после такого турне у тебя возникнет желание осуществить еще какую-нибудь подобную идею?

— У меня есть планы. Шоу 1995 года будет называться “Принцип-219”, а 96-го — “Уровень-10”.

— Почему — 10?

— Это число, символизирующее постоянную борьбу единицы и нуля. Нам в данном случае больше нравится единица.

Если вы думаете, что это все, о чем поведает Крылов, то вы ошибаетесь. “Ангел (421)” рассказал продюсеру группы “U2” Полу Маккинису и о факсе, направленном через российское посольство в Ирландию, и о том, что Пола заинтересовала идея проекта, и о том, что в принципе вполне реально увидеть Патрицию Каас в качестве председателя Партии детей Франции, и о том...